

Сюй Танчэнь бесчисленное множество раз представлял себе сценарии своего каминг-аута.

Каким был бы самый подходящий момент; каким голосом стоит это сказать, чтобы семье было легче принять; о чём ему стоит договариваться и о чём не стоит... Но сейчас этот вопрос поднялся так внезапно. Он был вынужден признаться без подготовки. И только в этот момент он понял, что среди всех возможных вариантов развития событий он столкнулся с самым ужасным.

— Что происходит?

Услышав шум, Сюй Юэлян и Сюй Танси прибежали к ним. Они обменялись взглядами, не понимая, что происходит. Увидев покрасневшие глаза жены, и не зная причин, Сюй Юэлян подбежал к ней и попытался успокоить. Но, прежде чем он успел коснуться её, она дёрнула рукой и швырнула тонкую куртку к ногам Сюй Танчэня.

После этого она не сдержала всхлип.

— Ты знаешь, что делаешь?

Сюй Танси подошла к ней, она тоже была шокирована. Девушка остановилась рядом с Сюй Танчэнем. Стоит отметить, что, хоть Чжоу Хуэй и любила поворчать, на самом деле у неё был хороший характер. Сюй Танси и Сюй Танчэнь были уже не маленькими, и за все эти годы Чжоу Хуэй не сказала им ни одного грубого слова, что уж говорить о бросании в них вещей.

Сюй Танси пришла в чувство. Она не знала, почему, но, когда увидела выражение лица Чжоу Хуэй, полное боли, её глаза покраснели.

— Мам... — с невыносимой болью в сердце она тихо позвала Чжоу Хуэй и подбежала к ней.

— Танси, — Сюй Танчэнь протянул руку и остановил Сюй Танси. Увидев её бледное лицо, он мягко попросил: — Вернись в свою комнату.

— Братик...

Сюй Танси посмотрела на него, затем на родителей, стоявших напротив. Она не двигалась.

— Что вообще происходит? А? Скажи что-нибудь.

Сюй Юэлян спросил несколько раз подряд, но ни Чжоу Хуэй, ни Сюй Танчэнь не дали ему ответа, будто заранее договорившись молчать. Заметив фотографии на полу, Сюй Юэлян наклонился, но, когда он собирался подобрать их, одну из них внезапно схватила Сюй Танси.

Увидев изображение на фото, Сюй Танси застыла, так и не передав карточку Сюй Юэляну. Даже для неё фотография была шокирующей. На долю секунды она растерялась, не зная, что делать, и в смятении развернулась, чтобы взглянуть на Сюй Танчэня.

Она подсознательно почувствовала, что родителям нельзя это видеть, но не успела убрать руку, как Сюй Юэлян отобрал фото.

Сюй Юэляну было больше пятидесяти лет, но он впервые столкнулся с проблемой такого рода. Она непосредственно затрагивала его сына. Он взглянул на фото и вскинул голову. Взгляд, которым он наградил Сюй Танчэня, был полон неверия.

Сюй Юэлян не прививал своим детям никаких принципов. Единственное, чему он научил Сюй Танчэня, было наставление быть осторожным. Сюй Юэлян сначала тоже ничего не сказал. Он, нахмурившись, сверлил Сюй Танчэня взглядом. Спустя некоторое время он положил фотографию на журнальный столик.

Воздух в комнате словно раскололся на куски, как будто, скоро они не смогут поддерживать своё дыхание.

Сюй Юэлян и Чжоу Хуэй стояли рядом с диваном. Сюй Танчэнь не сдвинулся с места, молча глядя в пол.

Трое людей, разделённые, как реки Цзин и Вэй, разделились на два лагеря.

Единственной, кто хотел относиться к обеим сторонам, была Сюй Танси, но в такой ситуации бедная девочка, которая тоже поддалась панике, совершенно не знала, что ей делать. Она не осмеливалась говорить что-либо опрометчивое, и после некоторых раздумий тихо подняла фотографии с пола, сжала их в руке и отошла в сторону.

Очень долго единственным раздававшимся в комнате звуком были сдавленные всхлипы Чжоу Хуэй. Всё вокруг затихло, и даже малейшие шорохи проникали в уши Сюй Танчэня, постепенно лишая его сил даже поднять голову.

— Почему ты смутился?

С осуждением, но без лишней суровости, Сюй Юэлян нашёл подход к ситуации.

Тысячи слов, что Сюй Танчэнь должен был произнести, совсем не подходили. Он поднял голову и встретился с взглядом Сюй Юэляна:

— Пап, мам...

— Не зови меня! — Чжоу Хуэй была не так спокойна, как Сюй Юэлян. Обеими руками она намертво вцепилась в руку Сюй Юэляна, всё её тело дрожало, будто она была на последнем издыхании, и только воля не давала ей упасть.

Сюй Танчэнь едва увидел Чжоу Хуэй, как его грудь сдавила тупая боль. Он давно ожидал, что наступит день, когда ему придётся раскрыть свои карты, и с самого начала единственным, о чём он беспокоился, была лишь реакция Чжоу Хуэй.

Если и был человек, который больше всего отдал их семье, то это была Чжоу Хуэй. По почти всем стандартам она была идеальной матерью, к ней было невозможно придраться.

У Сюй Юэляна были проблемы с ногами. Сюй Танчэнь помнил, что, когда он был маленьким, именно Чжоу Хуэй на велосипеде привозила его в школу и забирала оттуда. На протяжении всего года погода была не всегда подходящей для таких поездок, то появлялось палящее солнце, то метель. Но для Сюй Танчэня спина его матери никогда не менялась.

— Танси, — горло Сюй Танчэня так пересохло, что начало болеть. Он тихо произнёс: — Помоги маме сесть.

Сюй Танси кивнула. Она хотела поддержать Чжоу Хуэй, но та упрямо отказалась сесть. Она прожигала Сюй Танчэня взглядом покрасневших глаз, её рот то открывался, то закрывался, но из-за того, что её переполняли эмоции, каждое слово, слетавшее с губ, исчезало в щербинках между зубов. Она вытерла слезы и бросила только одну фразу:

— Порви с ним.

На этих словах она отвела от него взгляд. Она понурила голову, глядя на безупречный пол. В её голосе слышалась сила, которой никогда раньше там не было, но её внешний вид говорил о совершенно обратном. Эти слова звучали, как приказ, но в то же время это была и мольба.

Видимо, эти слова заставили Чжоу Хуэй вновь подумать о том, что она сейчас увидела. Она закрыла глаза рукой, её эмоции, только-только притихшие, вновь разбушевались. Плача, она спросила Сюй Танчэня:

— Ты вообще знаешь, что делаешь?

Сюй Танчэнь хотел ответить: «Я знаю». Он хотел сказать, что не смутился, что он лишь был в отношениях и ничего плохого не делал. Он мог привести множество аргументов, мог найти логические обоснования для защиты гомосексуальности, но не мог сказать этого сейчас. Он не осмеливался.

Когда дело дошло до этого, хоть он ничего неправильного не сделал, у него не было права осуждать непонимание своих родителей.

— Вы оба мужчины, это... Что ты хочешь этим сказать?

Голос Чжоу Хуэй постепенно понизился. Она снова и снова повторяла свой вопрос. Сюй Танчэнь не отвечал, а она продолжала спрашивать.

— Где фото? — внезапно Чжоу Хуэй повернулась и позвала Сюй Танси: — Танси, дай ему фото.

Сюй Танси не смела послушаться Чжоу Хуэй. Хотя она и не поняла, зачем её внезапно попросили это сделать, она, поколебавшись, передала фотографии Сюй Танчэню.

— Порви их.

Его взгляд, прежде направленный в пол, внезапно поднялся прямо на Чжоу Хуэй. Сюй Танчэнь и представить не мог, что Чжоу Хуэй прикажет ему это сделать. Тем временем Чжоу Хуэй глубоко вздохнула и продолжила говорить дрожащим голосом: — Все иногда совершают ошибки. Мама не будет винить тебя. Просто уничтожь эти фото, порви любые связи с тем ребёнком, и всё будет хорошо.

В любой тупиковой ситуации лучше всего потянуть время. Сюй Танчэнь отлично знал, что наступит момент, когда эмоции Чжоу Хуэй достигали своего пика, и её было практически невозможно переубедить. Он чётко знал, что сцена, запечатлённая на фотографии, сильно шокировала её. Стоило сначала уступить Чжоу Хуэй, дать ей времени успокоиться, и позже наступит подходящее время для разговора. Но Сюй Танчэнь с фотографиями в руках молчал под взглядами членов семьи.

Это были всего лишь фото. Если бы он порвал их сейчас, то был уверен, И Чжэ понял бы его, и это не повлияло бы на их отношения.

Но он не мог этого сделать.

Когда И Чжэ лепил сердечки на его лицо, его губы растянулись в улыбке. Когда он положил фото в его карман, он продолжал повторять ему на ухо, что не должен потерять их, он должен сохранить их навсегда.

Сюй Танчэнь не был суеверным человеком. Но, независимо от того, насколько он был не готов, он должен признать, что, когда дело касалось их будущего, он таил в себе тревогу. Он боялся, что не сможет уладить проблемы с семьёй, боялся, что произойдёт что-то неожиданное. И под давлением этого беспокойства, а может, из-за того, что он старался найти то, что помогло бы ему почувствовать себя в безопасности, молодой человек в этот момент вдруг сделался суеверным. Он боялся, что, если он разорвёт фотографии, их будущее будет представлять собой бесконечную разлуку.

— Ты меня слышишь? — увидев, что он не шевелится, снова спросила Чжоу Хуэй.

Сюй Танчэнь молча взглянул на неё. Он не отказал прямо, но связь матери и сына дала Чжоу Хуэй полное понимание его решения. Она не могла поверить, не могла понять, почему её ребенок, который с самого детства никогда не заставлял её волноваться, внезапно стал таким.

— Тогда ты выбираешь его?

Сюй Танчэнь сильнее сжал фото в руке и, наконец, произнес первые слова в свою защиту:

— Мам, это не вопрос выбора. Я только...

— Ты должен выбрать! Я говорю тебе, что не смогу этого принять. Не только я — никто в нашей семье не примет этого! — Её слова прерывались всхлипами. — Что вы вдвоём вообще творите, о чём только думаете...

— Я знаю, что вы не сможете это принять, — сказал Сюй Танчэнь. — Знаю. Я никогда не рассказывал вам об этом именно из-за того, что знаю, что вы не примете. Я могу понять твою точку зрения. Правда, могу. Но, мама, ты можешь дать мне хотя бы немного времени, чтобы объясниться?

— Как долго это продолжается? — вдруг спросила Чжоу Хуэй.

Сюй Танчэнь застыл. Он понял, о чём она говорила.

— Более трёх лет.

— Более трёх лет, — пробормотала Чжоу Хуэй. — Ты скрывал это от нас более трёх лет?

Кто-то слабо постучал в дверь несколько раз.

В семья не знали, кто это был, но Сюй Танчэнь понимал, что пришёл И Чжэ.

<http://bllate.org/book/13101/1158753>